

ВИКТОР ДРАНИЦИН

МАНДЕЛЬШТАМ И ВОЛОШИН: ДВА БИОГРАФИЧЕСКИХ СЮЖЕТА

Семнадцать лет между двумя крайними датами: первой встречей в 1907-м и последней встречей в 1924 году – представляются довольно внушительным сроком знакомства Максимилиана Волошина и Осипа Манделъштама, однако его общий семнадцатилетний «стаж» не должен вводить нас в заблуждение. На самом деле поэты общались, фактически, только во время трех летних встреч в Коктебеле: в 1916-м, 1917-м и 1920 году¹, при этом не встречаясь и не переписываясь с ноября 1909-го по июль 1916 года, с сентября 1920-го по январь 1924-го и, наконец, с февраля 1924-го до смерти Волошина в августе 1932-го.

Первым и едва ли не единственным среди биографов Волошина – еще в 1970-е годы – историю их взаимоотношений начал изучать литературовед Владимир Петрович Купченко (1938 – 2004), две статьи которого на данную тему² мы и берем здесь за основу в качестве отправной точки, чтобы продолжить разработку двух биографических сюжетов, первый из которых посвящен обстоятельствам знакомства поэтов, второй – обстоятельствам их «книжной» ссоры.

В первом сюжете уточняется дата их знакомства и место второй встречи; во втором – предпринимается пионерская попытка снять с Манделъштама по недоразумению вмененное ему обвинение в краже книг из библиотеки Волошина.

СЮЖЕТ № 1: ЗНАКОМСТВО

Из поздних воспоминаний Максимилиана Волошина известно, что впервые он увидел Осипа Манделъштама – тогда еще «мальчика» в гимназической курточке – в петербургском

¹ Краткий обзор этих встреч см.: *Данилова С. Ф.* Волошин // О. Э. Манделъштам, его предшественники и современники: Записки Манделъштамовского общества. Вып. 11: Сб. материалов к Манделъштамовской энциклопедии. М.: РГГУ, 2007. С. 51 – 62.

² *Купченко В.* Осип Манделъштам в Киммерии (материалы к творческой биографии) // *Вопросы литературы.* 1987. № 7. С. 186 – 202; *Купченко В. П.* Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Манделъштама и М. Волошина) // *Слово и судьба. Осип Манделъштам: Исследования и материалы.* – М.: Наука, 1991. С. 176 – 183.

доме Венгеровых (мать Мандельштама, Флора Осиповна Вербловская, состояла с этим семейством в родственных отношениях³).

«Это было у сестры Зинаиды Венгеровой – Изабеллы Афанасьевны (певицы)⁴, – вспоминал поэт незадолго до смерти. – Там было нечто вроде именинного приема – торты, пироги, люди в жакетах и смокингах. Сопровождая свою мать – толстую немолодую еврейку, там был мальчик с тёмными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в чёрной курточке частной гимназии. <...> Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось много застенчивости. “Вот растёт будущий Брюсов”, – формулировал я кому-то (Лиле⁵?) своё впечатление. Он читал тогда свои стихи»⁶.

В. П. Купченко в свое время, составляя хронологическую канву «трудов и дней» Волошина, датировал «именинный прием» второй половиной февраля 1907 года⁷, сейчас мы можем датировать его более точно: он состоялся 17 февраля, в день тридцатилетия младшей сестры Семена Афанасьевича и Зинаиды Афанасьевны Венгеровых – Изабеллы, которая в том же году получила место преподавателя фортепианной игры в Петербургской консерватории. В этот день, среди прочих, ее поздравлял и Михаил Кузмин⁸.

Второй раз Волошин и Мандельштам бегло, судя по всему, виделись в том же Петербурге ранней весной 1909 года, о чем косвенно можно судить по скупому свидетельству самого Мандельштама, из которого следует, что Волошин, как минимум, присутствовал при его знакомстве с Николаем Гумилевым⁹. Павел Лукницкий в середине 1920-х запишет в своем дневнике:

«Осип Мандельштам сказал мне, что познакомился с Николаем Степановичем весной 1909 года на квартире у Волошина, куда Гумилев приезжал в тот раз»¹⁰.

³ Подробнее см.: *Кацис Л.* Родословная Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь» Вып. 4/2. (Записки Мандельштамовского общества). – М.: РГГУ, 2008. С. 326 – 327; *Нерлер П.* Осип Мандельштам: рождение и семья (Мать) // *Знамя*. 2016. № 12. – <<http://magazines.russ.ru/znamia/2016/12/osip-mandelshtam-rozhdenie-i-semya.html>

⁴ Венгерова Изабелла Афанасьевна (1877 – 1956) – российско-американская пианистка и педагог. В 1907 – 1920 гг. преподавала в Санкт-Петербургской консерватории. С 1923 г. проживала в США.

⁵ Таким именем Волошин называл только двух женщин из своего окружения: поэтессу Елизавету Дмитриеву (в замужестве Васильева; 1887 – 1928), с которой, однако, в 1907 году еще не был знаком, и актрису Елизавету Эфрон, дочь народоволки Е. П. Дурново-Эфрон (1854 – 1910). Со второй Лилей, однако, до 1910 года (года смерти ее матери), Волошин практически не общался. Куда более вероятно, что поэт в тот день сопровождала Маргарита Сабашникова, с которой он зимой 1906/1907 жил в Петербурге, на Башне Вяч. Иванова.

⁶ *Волошин М.* Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. Дневники 1891 – 1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания / Сост., подгот. текста, коммент. В. П. Купченко, Р. П. Хрулевой, К. М. Азадовского, А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика. – М.: Эллис Лак, 2008. С. 422.

⁷ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877 – 1916. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 176.

⁸ *Кузмин М.* Дневник 1905 – 1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. С. 322. Комментарий к записи Кузмина см. в статье: *Драницин В.* Осип Мандельштам и З. Н. Гиппиус: к истории происхождения прозвища «Зинаидин жидок» («Сохрани мою речь...». Вып. 6.) (в печати).

⁹ Подробнее об обстоятельствах этого знакомства см.: *Драницин В.* Осип Мандельштам и Николай Гумилев: к истории первых лет знакомства (1908 – 1912) // Осип Мандельштам и XXI век (Материалы международного симпозиума. Москва. 1-3 ноября 2016 г.). – М.: ООО "АРМПОЛИ- ГРАФ", 2016. С. 197 – 199.

¹⁰ *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л.: Лениздат, 1990. С. 85.

В ноябре 1908 г. Гумилев вернулся из путешествия по Египту и зиму 1908/1909 гг. жил преимущественно в Царском Селе; с Волошиным познакомился в феврале 1909 г., в Петербурге¹¹. Здесь следует лишь уточнить, что, поскольку своей квартиры у Волошина в Петербурге не было, то поэты, вероятнее всего, встретились на квартире парижского знакомого Волошина и Гумилева, Алексея Толстого¹², у которого в начале февраля 1909 года, по возвращении из Парижа, остановился Волошин вместе со своей матерью, Еленой Оттобальдовной – в доме № 15 по Глазовской улице¹³ (Здесь же обосновалась вскоре и редакция поэтического журнала «Остров»).

Произошла эта встреча где-то между началом февраля и началом апреля 1909 г., поскольку в середине апреля Волошин, получив аванс от редактора «Аполлона» Сергея Маковского, уехал в свой «вдохновительный Коктебель» – для «уединенной и сосредоточенной работы» над стихами, статьями и переводами для первых номеров журнала.

Встреча поэтов носила, судя по всему, сугубо поверхностный характер, не найдя никакого отражения в позднейшей мемуаристике и эпистолярной литературе 900-х – 1910-х годов, что и не удивительно: Волошин – «в устройстве дел» – с февраля по апрель кружился белкой в колесе в совершенно бешеном вихре петербургской жизни: имел несколько встреч с поэтессой Елизаветой Дмитриевой (будущей Черубиной де Габриак)¹⁴; бегал, страдая от безденежья, в поисках журналистской работы¹⁵; вместе с Николаем Гумилевым и приехавшим из Москвы Валерием Брюсовым обедал несколько раз у Сергея Маковского¹⁶; совершил поездку с Маковским в Царское Село для знакомства с Иннокентием Анненским (в доме Гумилева и по его же инициативе); прочитал лекцию «Аполлон и мышь» в Салоне 1-го Кадетского корпуса; принял участие в любительской постановке пьесы Федора Сологуба «Ночные пляски» в Литейном театре; едва не стрелялся на дуэли с мужем давно влюбленной в него дамы

¹¹ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. С. 217.

¹² «Молодого сказочника, стилизованного до скобки волос и говорки», – по mot И. Ф. Анненского (*Анненский И. О современном лиризме. Они // Аполлон. 1909. № 1. С. 38*).

¹³ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. С. 216. Еще в начале января 1909 года Алексей Толстой сообщал Волошину: «Мы (с художницей Софьей Дымшиц – В.Д.) устроились на квартире, ты увидишь, удобно ли тебе будет жить у нас». А весной того же года сообщал А. А. Бострому: «Поселился я в Питере на “Глазовская ул., д. 15, кв.18” на квартире, устроили мы с Сонечкой ателье для нее и кабинет для меня и заработали» (Переписка А. Н. Толстого. В 2-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989. С. 147, 151).

¹⁴ С Е. Дмитриевой Волошин познакомился на Башне Вячеслава Иванова в апреле 1908 года, сразу почувствовав в ней родственную душу и обнаружив общие с ней интересы: к французской и испанской средневековой литературе и истории, к французским писателям-мистикам XIX века Вилье де Лиль Адану и Барбэ д'Орвилли, к теософии и т. д.: «Некрасивое лицо и сияющие, ясные, неустанно спрашивающие глаза, – запишет Волошин в дневник свое первое впечатление от Лили. – В комнате несколько человек, но мы говорим, уже понимая, при других и непонятно им» (*Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 1. Журнал путешествия; Дневник 1901 – 1903; История моей души / Сост., подгот. текста, коммент. В. П. Купченко. – М.: Эллис Лак, 2006. С. 293*).

¹⁵ *Волошин М. Собр. соч. Т. 9. Письма 1903 – 1912. С. 438.*

¹⁶ 8 марта 1909 г. Брюсов писал жене: «Сейчас был у С. Маковского – обедал у него. Были: М. Волошин, Гумилев и наш московский Игорь Грабарь» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 142. Ед. хр. 12).

(приятельницы его матери, Е. О. Кириенко-Волошиной¹⁷); вместе с Гумилевым, Дмитриевой и ее подругами Лидией Брюлловой¹⁸ и Марией (Майей) Звягиной-Лихтенштадт 16 марта посетил лекцию Вяч. Иванова о картине Бакста «Древний ужас» (в одном из концертных залов столицы); один раз посетил заседание «Академии стиха» на Башне Вяч. Иванова и т. д.

20 марта он на неделю уехал по делам в Москву, которой «очень наслаждался после Петербурга»¹⁹. В поезде Москва – Петербург, кстати сказать, с ним познакомился писатель-этнограф Михаил Пришвин, на которого поэт, грезивший тогда «нашим» культом Аполлона, произвел неизгладимое впечатление не столько парадоксальностью своего мышления, сколько своей абсолютной оторванностью от «реальной» жизни.

«Плотный господин с широким лицом <...> и с речами ребенка или женщины» рассказывал Пришвину: « – Я так отстал от русской жизни... Я десять лет жил в Париже. <...> Россия... Ей нужно... просветление... аполлоническое просветление. Недаром же над гробницею Диониса стоит Аполлон. Счастье должно быть дано человеку, он должен делать все с ощущением счастья...».

«Как-то смешно, – комментировал эту “просветленческую” маниловщину Пришвин: – наша земля с землеустройством, с мужиками – и это аполлоническое просветление...»²⁰.

В середине апреля – как было сказано выше – Волошин уехал в свой «вдохновительный Коктебель».

В Петербург он вернулся только в начале сентября, когда Мандельштам уже был за границей, в Гейдельберге, куда он был отправлен учиться родителями в местный университет на «выкроенные из скудного бюджета семьи средства»²¹. Заметим в скобках, что, в связи с вышесказанным, Волошин никак не мог, как ранее утверждалось его биографом, встретить Мандельштама осенью 1909 г. «в редакции только что родившегося журнала “Аполлон”»²². Попутно заметим, что не мог Волошин встретить его и на заседаниях «Академии стиха», на которых юный поэт впервые появился только 23 апреля 1909 г., когда Волошин находился уже в Коктебеле.

Елизавета Дмитриева, сообщая Волошину о том, как прошло заседание 23 апреля, упомянула, между прочим, и имя Мандельштама:

¹⁷ Подробнее об этой истории см.: *Кобринский А. А.* Дуэль истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. – СПб.: Вита Нова, 2007. С. 151 – 156.

¹⁸ Брюллова Лидия Павловна (в замужестве Владимирова; 1886 – 1954) – художница, дочь живописца П. А. Брюллова (1840 – 1914) и внучатая племянница художника Карла Брюллова (1759 – 1852); на рубеже 1910-х гг. – секретарь редакции «Аполлона», confidentка Дмитриевой, ее подруги детства; в мистификации с Черубиной играла роль ее кузины, «княгини Дарьи Владимировны» (Подробнее см.: *Агеева Л.* Неразгаданная Черубина. С. 318 – 324).

¹⁹ *Волошин М.* Собр. соч. Т. 9. С. 434.

²⁰ *Пришвин М.М.* Ранний дневник 1905 – 1913 / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. С. 319 – 320.

²¹ *Нерлер П.* Осип Мандельштам в Гейдельберге (Записки Мандельштамовского общества). – М.: Арт-Бизнес-Проект, 1994. С. 71.

²² *Купченко В.* Осип Мандельштам в Киммерии. С. 187.

«23-го апреля Вяч. Ив. говорил о рифме. <...> Потом читали стихи, все, даже безмолвные. Я прочла сонет <...> и Вяч<еслав> Иван<ович> его похвалил очень. Я этому так рада. Был еще там поэт Мандельштам»²³.

Во второй половине сентября 1909 года, находясь в Гейдельберге, Мандельштам отправил Волошину следующее послание:

«Глубокоуважаемый Макс Александрович!

Оторванный от стихии русского языка – более, чем когда-либо, я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне Мережковский, который на этих днях, проездом в Гейдельберг<e>, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов»²⁴, помог мне милый Вячеслав Иванович [Иванов], который – при искреннем ко мне доброжелательстве – не ответил мне на письмо, о котором просил однажды.

С Вами я только встретился.

Но почему-то я надеюсь, что Ваше участие в моей трудной работе будет немного иным. Если Вы пожелаете обрадовать меня своим отзывом и советом – мой адрес:

Heidelberg, Anlage 30.

Stud. phil. Mandelstam»²⁵.

Вячеславу Иванову, на Башне которого в апреле-мае 1909 года он прослушал несколько лекций по теории стихосложения, Мандельштам написал безответное письмо еще в августе, из швейцарского Монтрё – по дороге в Гейдельберг, где он с сентября по ноябрь усиленно занимался, отложив на целых три месяца подачу документов в университет, сочинением стихов, создавая в среднем одно каждые три дня (второй раз подобную «болдинскую осень» поэт переживет только в конце жизни, в последний год своей воронежской ссылки²⁶).

Между тем Иванов не удостоил ответом не только первое письмо О.М., но и последующие его пять весточек из Гейдельберга – с приложенными к ним новыми стихами.

Пять стихотворений, ни одно из которых позже не было им опубликовано, О.М. приложил и к письму Волошину. Вот одно из них, полное неизбывной печали – о неких *пузливых вдохновениях* вокруг некой *искусственной розы*:

В безветрии моих садов

²³ Черубина де Габриа. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908-1928 годов. Письма Б. А. Лемана к М. А. Волошину / Сост., подг. текстов, прим. В. Купченко и Р. Хрулевой. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2009. С. 38.

²⁴ Без малого тремя годами ранее Мережковский, кстати говоря, «не пожелал выслушать» и стихи другого юного «декадента», Николая Гумилева.

²⁵ Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем в трех томах / Сост. А. Г. Мец. Т. 3. Проза. Письма. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 363 – 364.

²⁶ См.: Струве Н. Осип Мандельштам. – Томск: Водолей, 1992. С. 138.

*Искусственная никнет роза;
Над ней не тяготит угроза
Неизрекаемых часов.*

*В безвыходности бытия²⁷
Она участвует невольно;
Над нею небо безглагольно
И ясно, – и вокруг нея*

*Немногое, на чём печать
Моих пугливых вдохновений,
И трепетных прикосновений,
Привыкших только отмечать.*

В безветрии моих садов...

Своим ответом юного поэта Волошин, увы, обрадовать также не пожелал.

С весны 1909 года до лета 1916 года – почти семь лет – в силу разных причин и обстоятельств, которых мы здесь не рассматриваем, поэты не встречались. Заметим лишь, что виной тому были не только «географические» причины (один курсировал, главным образом, между Петербургом и Финляндией, другой – между Москвой, Парижем и Коктебелем), но и причины, так сказать, «клановые»: к началу 1912 года Волошин фактически порвал связи с петербургскими «аполлоновскими» кругами, а Мандельштам не только в них вошел, но и примкнул к группе поэтов-акмеистов, возглавлявшейся «врагом» Волошина – Николаем Гумилевым.

Разрыв отношений привел к тому, что в 1912 году Волошин как бы «не заметил» ни выхода «Чужого неба» Гумилева, ни выхода первого «Камня» О.М. в 1913-м; однако в рецензии на первый поэтический сборник 20-летнего и еще не знакомого ему лично Ильи Эренбурга («Стихи». Париж. 1910) он не сумел-таки удержаться от язвительного указания на общие негативные черты поэтов «брюсовской школы», к которой причислил, вслед за Гумилевым, и Эренбурга. К общим чертам поэтов этой «школы» Волошин отнес искусственность и холодно-формальный романтизм, апломб, слегка смешную напыщенность, плохое

²⁷ Чуть позже, в том же сентябре, Мандельштам оповестит Волошина о внесенной им поправке: «Глубокоуважаемый Макс Александрович! Простите мне мою мелочность – пятая строка стихотворения читается “В юдоли дольней бытия” вместо ужасной “безвыходности”, которая торчит, как оглобля. С глубоким почтением, Осип Мандельштам» (Купченко В. Осип Мандельштам в Киммерии. С. 188).

знакомство с литературой и историей, уверенность в том, что в них живет душа прошлых веков и, наконец, «эротические кощунства»²⁸!

Гумилев и Мандельштам, соответственно, как бы «не заметили» выхода его поэтического сборника в 1910-м, хотя и по разным причинам: для Гумилева Волошин перешел в стан «врагов» после их ссоры из-за Елизаветы Дмитриевой, а Мандельштам был, очевидно, всё еще «обижен» на него за недавний «отказ во внимании». Всё это не означает, однако, что они не следили за творчеством Волошина – в том числе и как литературного критика. Рискнем предположить, в частности, что именно статья Волошина, посвященная творчеству французского писателя Анри де Ренье («Аполлон». 1910. № 4) могла подвигнуть О.М. взяться в 1910-е годы за перевод одного из романов этого писателя, «Амфисбена». Начало романа в его переводе было обнаружено в свое время в Принстонском архиве Павлом Нерлером, будучи принято им поначалу за фрагмент парижского дневника О.М. 1908 года:

«3 января 19.. Уже три дня я отдаю большую часть своего времени необходимым похождениям. Наконец, я больше не в долгу перед ближними. Благодаря случайности, на которую я не жалею, я никого не застал дома. Тем не менее я с удовольствием пожал бы руку Жака де Бержа. Нелепая меланхолия, которой я предаюсь целых два месяца, заставляла меня пренебречь этим другом – а он очаровательный друг...»²⁹.

Гипотетически третья по счету встреча Волошина и Мандельштама могла состояться летом 1915 года, когда Мандельштам первый раз приехал в Коктебель. Мы не знаем, рассчитывал ли он тогда на встречу с Волошиным, но примечательно, что Сергею Каблукову, перед поездкой, он охарактеризовал его как «хорошего поэта и художественного критика»³⁰ («плохим» поэтом Волошин станет для него уже в 1920-е годы³¹).

Как бы то ни было, летом 1915-го Волошин в Коктебеле отсутствовал: с января, после Дорнаха, он жил в Париже, где познакомился с Эренбургом, где интенсивно общался с Константином Бальмонтом, Борисом Савинковым, русскими и французскими художниками, писал статьи, «пораженческие» стихи о войне (часть которых была опубликована в «Русской мысли»³², но отвергнута «Аполлоном»³³), занимался живописью и т. д.

²⁸ Волошин М. Поэты и трафареты (Стихи Э. И. Штейна и И. Эренбурга) // *Утро России*. 1911. 12 февр.; Волошин М. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. С. 377 – 380.

²⁹ Мандельштам О. Э. Начало перевода сказки Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» / Публ. П. Нерлера // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/1. – М.: РГГУ, 2008. С. 46.

³⁰ О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова // Осип Мандельштам. Камень / Подгот. изд. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 250.

³¹ Поздний отзыв Мандельштама о нем как «плохом поэте» см.: Видгоф Л.М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. – М.: Астрель, 2012. С. 568.

³² *Русская мысль*. 1915. № 4.

³³ Любопытно, что в архиве Сергея Маковского стихи Волошина, написанные в 1915 году в Париже, сохранились в машинописной копии в одной папке со стихами Мандельштама (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп.1. Д. 595).

Мандельштам послал ему в Париж свои новые стихи («Обиженно уходят на холмы...») – приложением к письму Елены Оттобальдовны³⁴ – но Волошин и во второй раз решил отмолчаться:

«Стихи были своеобразны, но мне не очень понравились, – вспоминал он, – и я ему ничего не ответил»³⁵.

Отговорка, заметим в скобках, представляется не слишком убедительной, если принять во внимание, что спустя год Волошин с восторгом будет отзываться о стихах второго «Камня». Хотя, что немаловажно, уже после того, как услышит их в исполнении самого автора.

«Кто меня очень поразил своими стихами за это лето, – напишет он одной из своих корреспонденток осенью 1916 года, – это Мандельштам. Я ни у кого из современных поэтов не встречал такой сосредоточенной звучности стиха»³⁶.

А в его подготовительных материалах к статье «Голоса поэтов»³⁷ мы читаем:

«Мандельштам. Быть может, наиболее музыкальный и богатый мелодическими оттенками из всех современных поэтов...»³⁸.

Что касается «неучастливости» Волошина к судьбе молодого поэта осенью 1909 года, то она объяснялась не только тем, что его стихи ему «не очень понравились», но и тем, что он был занят в это время весьма ответственной работой – в режиме форс-мажора: в сентябре 1909 года ему, по просьбе Сергея Маковского, заболевшего плевритом, пришлось с головой уйти в спешное приготовление материала для первого номера «Аполлона» (параллельно тайком готовя мистификацию с Черубиной де Габриак).

Работать при этом приходилось в тяжёлой атмосфере далеко не творческого соперничества и интриг между сотрудниками нового журнала; атмосфере, главным виновником которой Волошин считал честолюбивого и «нахального» Николая Гумилёва, только что начавшаяся дружба с которым в одночасье, коктебельским летом 1909 года, переросла в острую обоюдную неприязнь из-за любовного соперничества. В конце сентября 1909 г. Е. Дмитриева, виновница их ссоры, писала из Петербурга «спутнице духовных исканий» Волошина, А. М. Петровой (с которой Макс познакомил ее летом того года в Феодосии):

«Дорогая Александра Михайловна, всё думала, что написать Вам о Максе, но еще мало могу сказать о нем. Сперва ему было очень тяжело: больной, без денег почти, и в “Аполлоне” большая интрига против него, главным образом Гумилев, кот<орый>, как сам мне сказал, “ненавидит М<акса>”.

³⁴ Купченко В. Осип Мандельштам в Киммерии. С. 189.

³⁵ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 422.

³⁶ Там же. Т. 10. Письма 1913 – 1917. С. 514.

³⁷ Речь. 1917. № 129. 4 июня. С. 3.

³⁸ Волошин М. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900 – 1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. С. 762.

Макс думал уходить из “Аполлона”, но потом он очень сошелся с Маковским, кот<орый> его очень ценит, и это немного ободрило М<акса> <...>. Но Гумилев всё время ведет интригу, и еще очень много придется от него вынести и Толстому, и Максу, и всем беззащитным»³⁹.

Входя в костяк «ближайших членов редакции» и получая первое время всяческую поддержку от Сергея Маковского, Волошин рассчитывал, в частности, занять в журнале, как минимум, место заведующего всем литературно-критическим отделом «Аполлона», но в начале августа узнал, что не он, а его соперник Гумилев, по решению редакционного собрания, будет вести в журнале «ежемесячную хронику стихов».

«Беззащитный» Макс, впрочем – *volens volens* – вплоть до рокового ноября («оперной» дуэли) и сам вел посильную интригу против Гумилева, с которым не поделил не только «ненасытную» поэтессу, но и свое законное, как ему казалось, место в журнале, но эта тема выходит уже за рамки нашего сюжета.

СЮЖЕТ № 2: ССОРА

*... сегодня на Фонтанке – не то он украл часы, не то
у него украли. Мальчишка! Грязная история!*

О. Мандельштам «Египетская марка»

Ссоре поэтов, случившейся в июле 1920 года в Коктебеле, В. П. Купченко в свое время посвятил отдельный очерк, в котором опубликовал ряд мемуарных и эпистолярных документов, неопровержимо свидетельствующих о том, что причиной ссоры послужил «книжный» конфликт:

«Именно книга послужила поводом для тяжелой, оборвавшей отношения поэтов, ссоры»⁴⁰.

Точнее – две книги: первой была «Божественная комедия» Данте (издание итальянского подлинника с параллельным переводом на французский язык), которую Мандельштам в день своего отъезда из Коктебеля (в конце июля 1920 г.) попросил у Волошина, не скрывая того, что требуемый экземпляр он уже брал у него три года назад, но потерял – предположительно при переезде из Петербурга в Москву в 1918 году («...завез в Петербург и там позабыл»⁴¹).

Второй книгой был единственный в библиотеке Волошина экземпляр «Камня», который его автор в свое время (в 1916 г.) подарил «с нежной дружеской надписью» Елене Отто-

³⁹ Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. С. 44; Черубина де Габриак. Исповедь. – М.: Аграф, 1998. С. 275.

⁴⁰ Купченко В. П. Ссора поэтов. С. 177.

⁴¹ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 424.

бальдовне (Пра). Пропажа этого экземпляра неожиданно обнаружилась, судя по всему, в тот же день, что и пропажа Данта (или на следующий день), но, в любом случае, уже после того, как Мандельштам покинул Коктебель и направился в сторону Феодосийского порта с намерением плыть далее в сторону Батума (вскоре за ним последовал и его брат Александр, судя по нижеследующему письму Волошина. Напомним, кстати, что от Коктебеля до Феодосии расстояние по прямой составляло, как минимум, 14 километров, которые приходилось преодолевать, как правило, пешком – при тогдашних больших проблемах с «линейками»).

Обнаружив пропажу «Камня», Волошин спешно написал записку своему знакомому, начальнику Феодосийского порта А. А. Новинскому (близкому знакомому и Мандельштама, прожившему в Феодосии почти всю зиму 1919 / 1920 гг.) – с двумя просьбами: во-первых, достать ему – и прислать «с ближайшей оказией» – лекарства по прилагаемому рецепту и, во-вторых, с просьбой задержать двух «воров».

В новейшей «Летописи жизни и творчества» О. Э. Мандельштама, составленной А. Г. Мецем, эта записка (впервые опубликованная В. П. Купченко) датирована «не позднее 27 июля» (н. ст.), поскольку ответ Мандельштама на нее (см. ниже) датирован самим поэтом – что проверено составителем Летописи по автографу – 28 июля (15 июля ст. ст.)⁴².

Купченко в свое время датировал записку Волошина 2 августа (20 июля ст. ст.), а ответ Мандельштама 7 августа (25 июля ст. ст.)⁴³, однако документы врангелевской контрразведки, опубликованные В. Зарубиным⁴⁴, свидетельствуют о том, что 7 августа Мандельштам уже три дня как находился под арестом и никакими записками с «волей» обмениваться не мог⁴⁵.

О «ворах» Волошин сообщал Новинскому следующее:

«...Александр Мандельштам по поручению своего брата украл у Майи экземпляр “Камня” (книга стихов Осипа Эмилевича), причем нагло сказал об этом самой Майе: “Если хотите, расскажите: брат не хочет, чтобы его стихи находились у М.А., так как он с ним поссорился”».*

⁴² Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубяниковой, П. Мицнера. — 2-е изд., испр. и доп. — Toronto: TSQ, 2016. С. 152 – 153.

⁴³ Основанием для этого, в частности, послужила датировка сохранившегося в архиве Волошина медицинского рецепта – от 2 августа по н. ст. (Купченко В. П. Ссора поэтов. С. 179; См. также: Волошин М. Собр. соч. Т. 12. Письма 1918 – 1924. – М.: Эллис Лак, 2013. С. 320). Эту же датировку находим и в последнем издании монографии Олега Лекманова (Лекманов О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. С. 132).

⁴⁴ Зарубин В. Арест Осипа Мандельштама в Феодосии в 1920 г. // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/1. С. 139 – 140.

⁴⁵ В последней из своих публикаций Купченко предположил, что Мандельштам просто допустил опisku при написании даты своего ответа (Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества 1917 – 1932. – СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007. С. 103).

Кстати же, эта книга не моя, а Пра. Я узнал об этом, к сожалению, слишком поздно – он уехал к Осипу и они едут в Батум⁴⁶. Окажи мне дружескую услугу: без твоего содействия они в Батум уехать не могут, поэтому поставим ультиматум: верните книгу, а потом уезжайте, не иначе.

Мою библиотеку Мандельштам уже давно обкрадывал, в чем сознался: так как в свое время он украл у меня итальянского и французского Данта. Я это выяснил только в этом году. Но “Камень” я очень люблю, и он еще находится здесь, в сфере досягаемости. Пожалуйста, выручи его.

М. Волошин.

*Р. С. Только что выяснилось, что Мандельштам украденную книгу подарил Люб<ови> Мих<айловне> Эренбурге**, которая мне ее возвращает, так что моя вторая просьба, естественно, <от>падает. А о первой очень прошу тебя. Макс»⁴⁷.*

Прежде, чем разбираться с содержанием этого, в суетливой лихорадке написанного и уникального по своей алогичности документа, кратко представим двух, упомянутых в нем, «действующих лиц» этой «грязной» истории.

*Майя – **Кювилье Мария Павловна** (в первом браке Кудашева, во втором Роллан; 1895 – 1985) – поэтесса, переводчик. В Коктебеле впервые побывала летом 1913-го, накануне в Москве познакомившись с Мариной Цветаевой и коктебельскими «обормотами»: мужем Цветаевой С. Эфроном, А. Толстым, М. Фельдштейном и др. Отличалась необыкновенной влюбчивостью, в 1910-е годы забрасывала любовными письмами Бальмонта, Блока, Вяч. Иванова и других поэтов, безответно «влюблялась» и в Волошина. Позже сама о себе вспоминала как о «взалмошной девчонке». Кто-то считал ее «авантюристкой от природы», а мать Волошина разглядела в ней даже, за ее внешней беззащитностью, «напористость и вампиристость»⁴⁸.

Последний свой визит в Коктебель она нанесла в конце октября 1919 г., приехав к Волошину вместе с матерью-француженкой и трехлетним сыном. Здесь же она узнала о гибели своего мужа, князя Сергея Кудашева (1896 – 1919), подпоручика Добровольческой Армии. По словам Волошина, в зиму 1919/1920 гг. в нее был безответно влюблен Мандельштам⁴⁹; она же, в свою очередь, влюбилась, и не без истерик с «суицидами», в проживавшего у Волошина Илью Эренбурга.

С 1931 г. – находилась в эмиграции, в 1934 г. – вступила в брак с Роменом Ролланом, переписку с которым вела с 1923 года.

⁴⁶ В Батум братьям уехать не удалось – 4 августа (н. ст.) Мандельштам был арестован врангелевской контрразведкой по «подозрению к принадлежности к партии коммунистов-большевиков» (См.: *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга допросов, допросов и обвинительных заключений. – М.: Петровский парк, 2010. С. 20).

⁴⁷ *Кутченко В. П.* Ссора поэтов. С. 179; *Волошин М.* Собр. соч. Т. 12. Письма 1918 – 1924. С. 320.

⁴⁸ Подробнее о ней в период 1910-х годов см.: *Обатнин Г. В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: Сб. статей в честь 70-летия К. М. Азадовского. – М.: НЛЮ, 2011. С. 345 – 402.

⁴⁹ *Волошин М.* Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 423. О ее знакомстве с Мандельштамом см.: *Обатнин Г. В.* Указ. соч. С. 377 – 378.

****Эренбург-Козинцева Любовь Михайловна (1900 – 1970) – живописец, график.**

Родом из Киева, где летом 1919 г. вышла замуж за Илью Эренбурга – своего двоюродного дядю. Познакомилась она с ним в том же Киеве, где училась в частной художественной студии А. Экстер вместе со своей подружкой Надей Хазиной, будущей женой Мандельштама. В Коктебель молодожены приехали в конце декабря 1919 года – вместе с другой киевской подругой Эренбурга, Ядвигой Sommer (1901 – 1983), с которой писатель познакомился в Студии художественного слова (где читал лекции по истории русской и зарубежной поэзии), и которую немало озадачил тем, что мог говорить «любимая» и ей, и Любе Козинцевой одновременно⁵⁰, пресловутую «верность» в браке считая буржуазно-пуританским анахронизмом, как, кстати говоря, и главный герой его будущего романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито».

Возвращаемся к записке Волошина, поражающей, как было сказано, своей логической несообразностью – как и сам факт ее отправки. Только спешкой и крайней степенью раздражения можно объяснить то, что, узнав о том, что Мандельштам не «крал» своей книги, а всего лишь «подарил» ее Любви Козинцевой, Волошин, с возвращенной книгой в руках, всё же отправил записку Новинскому с обвинением Мандельштама в «воровстве».

Почему он не догадался переписать записку? Торопил нарочный? Или в груди клокотала еще досада за утерянного три года назад Данта? Как бы то ни было, рассудок у «никогда не выходившего из себя»⁵¹ Макса в тот момент явно был отключен: надо же было не осознать того, что он требует возвращения уже возвращенной ему книги!

Впрочем, высказывалась и другая точка зрения: что Волошин не стал-де переписывать записку вполне сознательно, чтобы лишний раз – через Новинского – досадить Мандельштаму⁵². А Надежда Яковлевна Мандельштам – и того пуше – в своих мемуарах сравнила эту записку с «обыкновенным доносом», имеющим целью не просто задержать «вора» (который «никакого Данта не стащил и не потерял»), но и подвергнуть его жизнь «смертельной опасности»⁵³.

Ответная записка Мандельштама, сохранившаяся в архиве Волошина, неоднократно публиковалась и едва ли нуждается в полном воспроизведении, особенно ее «эмоциональ-

⁵⁰ *Sommer Я.* Записки / Публ., пред. и прим. Б. Я. Фрезинского // Минувшее: Исторический альманах. 17. – М.; СПб.: Феникс, 1995. С. 133.

⁵¹ Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и комм. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. – М.: Сов. писатель, 1990. С. 283. Ср.: «В нем было много детского, наивного. Характером он был кроток, но, возмущенный, был способен на гневный порыв» (*Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. Т. 3. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 56).

⁵² См.: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: поединки поэтов как факт литературной жизни. С. 264.

⁵³ *Мандельштам Н.* Собр. соч. в двух томах. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967 – 1979) / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин. Вступ. ст. Ю. Фрейдина. – Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014. С. 108 – 109.

ная» часть («...толстым слоем духовного жира... скрывает непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина...»). Но ее «содержательную» часть мы, тем не менее, напомним в полном объеме:

«Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я “давно уже” обкрадываю вашу библиотеку и, между прочим, “украл” у вас Данта, в чем “сам сознался”, и выкрал у вас через брата свою книгу. <...> Нужно быть идиотом, чтобы предположить, что меня интересует вопрос, обладаете ли вы моей книгой. Только сегодня я вспомнил, что она у вас была.

Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад одну вашу книгу.

Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым.

О. Мандельштам»⁵⁴.

Любопытно, что копия этой записки была послана Мандельштамом Эренбургу. Почему – попробуем поразмышлять чуть позже. Пока же отметим: отрицая кражу «Камня» (и совершенно искренно), Мандельштам не отрицал того, что «лишил» Волошина Данта. Однако действительно ли он «украл» Данта в 1917 году, или Волошин выдал ему тогда книгу собственноручно? Сгоряча, как мы видели, он обвинил Мандельштама в воровстве сразу двух книг, но его поздние «показания» на эту тему свидетельствуют в пользу того, что Данта он выдавал-таки из рук в руки.

Вот, например, его поздние воспоминания, это подтверждающие:

«В конце лета [1920 г.] Осип Эмилевич обратился ко мне с просьбой: “Мак<с> Алек<сандрович>, наверно, у Вас в библиотеке найдется итальянский текст Данта. Одолжите мне, пожалуйста.

Я пошел наверх, в кабинет, искать».

В процессе поисков книги Волошин то ли сам вспомнил о том, что уже давал ее Мандельштаму, то ли услышал со второго этажа беседу того с одной из его коктебельских знакомых, которой Мандельштам признался в том, что три года назад уже брал Данта – как бы то ни было, далее Волошин решил продемонстрировать свою память:

«Я спустился из кабинета и сказал: “Осип Эмилевич, я думаю, что не Вам у меня, а мне у Вас надо просить Данте, Вам я дал свой экземпляр – года 3 назад”»⁵⁵.

А вот в каком виде записал эту историю летом 1932 года, со слов Волошина, один из гостей Коктебеля, профессор Ленинградского университета И. Г. Ямпольский:

⁵⁴ Купченко В. П. Ссора поэтов. С. 179 – 180.

⁵⁵ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 424 – 425.

«Гостивший у него О. Э. Мандельштам попросил у него как-то “Божественную Комедию” Данте в итальянском оригинале. Покидая Коктебель, он увез Данте с собою. Через некоторое время, когда он снова приехал в Коктебель, ему опять понадобилась “Божественная Комедия”.

– Осип Эмилевич, да ведь Вы увезли ее с собою, – произнес Волошин и был совершенно обескуражен ответом:

– Как? Вы до сих пор не восстановили ее? Значит, она Вам не нужна, и хорошо, что я ее увез»⁵⁶.

В обоих случаях, как видим, Волошин вольно или невольно признает, что никакой «кражи» Данта в 1917 году не было, и что вина Мандельштама заключалась лишь в потере книги, которую и в воспоминаниях о последней с ним встрече в 1924 году он называет «зачитанной», а не украденной⁵⁷.

Беспредельное возмущение Мандельштама запиской Волошина с ее кличем «держи вора» будет еще понятнее, когда мы убедимся, что и к краже «Камня» он не имел никакого отношения, о чем Волошин узнал если не в день «кражи», то уже в первые дни августа 1920 года, хотя бумаге доверил это знание лишь в последний год своей жизни: знание о том, что «похитил со стола у Майи книжку не он (то есть не Мандельштам – В.Д.), а Эренбург»⁵⁸.

К вопросу о том, что сподвигло Эренбурга на это «похищение», мы еще вернемся, а пока позволим себе высказать легкое недоумение по поводу того, что до сих пор никто из биографов трех поэтов не попытался хоть как-то прокомментировать позднее признание Волошина.

В монографии В. П. Купченко «Жизнь Максимилиана Волошина» кража «Камня» прямым текстом приписывается Мандельштаму, который де, не считая «потерю чужой книги большим прегрешением, в свою очередь оскорбился (на возмущение Волошина потерей Данта – В.Д.) и решил “изъять” из волошинской библиотеки свой сборник “Камень”, некогда подаренный им Пра. Эту акцию выполнил Александр Мандельштам – забравший книгу со стола читавшей ее Майи Кудашевой»⁵⁹.

Исследователь, как видим, лишь пересказал своими словами, и без всяких комментариев, ту самую версию пропажи «Камня», которая представлялась – точнее, была представлена – Волошину Майей Кудашевой в конце июля – начале августа 1920 года.

Другой биограф Волошина, С. Пинаев, воспроизвел, вслед за Купченко, пересказ той же версии почти дословно, заменив лишь отдельные слова и добавив свою фантазию про истерику «гордого поэта»: в ответ на выговор Волошина за потерю Данта «неаккуратный

⁵⁶ Ямпольский И. Из воспоминаний // Лица: Биографический альманах. 7. – М.; СПб: Феникс, 1996. С. 495.

⁵⁷ Купченко В. П. Ссора поэтов. С. 201.

⁵⁸ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 425.

⁵⁹ Купченко В. Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 230.

Мандельштам, не делавший трагедии из потери чужих вещей, закатил истерику. В порядке наказания деспотического “дачевладельца” гордый поэт решил изъять из волошинской библиотеки свой первый сборник, “Камень”, самолично подаренный им Пра. “Приговор” исполнил его брат Александр, стащивший “Камень” из-под носа читавшей книгу Майи Кудашевой»⁶⁰.

Далее С. Пинаев пишет про обмен записками, но из мандельштамовской цитирует не «содержательную» часть, а «эмоциональную», ту, где говорится про «хамство коктебельского болгарина», – и на этом цитирование обрывает, как бы разводя руками:

«Стоит ли продолжать? Общая концепция ясна»⁶¹.

Какая концепция, в чем ее «ясность» – пояснений не дается.

При этом «концепция» самого автора сомнений в своей истинности не допускает. Поистине: какие могут быть сомнения в том, что «Камень» украли братья Мандельштамы, если Волошину об этом сказала сама «княгиня» Майя Кудашева?

Олег Лекманов в своей монографии о Мандельштаме никак не комментирует обстоятельства пропажи «Камня», ограничиваясь цитацией двух документов: вышеприведенных записок Волошина и Мандельштама – и следующей ремаркой:

«Как видим, Надежда Яковлевна, утверждавшая в своих воспоминаниях: “Никакого Данта он не стащил и не потерял”, оказалась права ровно наполовину»⁶².

О краже «Камня» в монографии не упоминается. Зато в журнальной публикации, посвященной этому сюжету, исследователь – вслед за биографами Волошина – воспроизводит всё ту же самую версию, основанную на словах Майи Кудашевой:

«С марта по июль 1920 года у Волошина гостил Осип Эмильевич Мандельштам со своим братом Александром. В конце июля он с хозяином коктебельского приюта рассорился и от Волошина съехал. Однако перед отъездом, в знак протеста, Мандельштам подговорил брата тайно изъять из волошинской библиотеки свою книгу стихов “Камень”, им же самим когда-то Волошину подаренную...»⁶³.

И далее – цитируется записка «рассвирепевшего» Максимилиана Александровича и ответная записка Осипа Эмильевича, чья реакция «была подобна вспышке молнии».

О волошинском признании, что «Камень» был похищен Ильей Эренбургом, биографы Волошина и Мандельштама почему-то умалчивают.

Проигнорировал это признание и биограф Эренбурга Борис Фрезинский. Вот что он пишет по поводу этого сюжета:

⁶⁰ Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший Бог: биография отдельного лица. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 509.

⁶¹ Там же.

⁶² Лекманов О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух. С. 133.

⁶³ Лекманов О. Толстый слой духовного жира // Материалы сайта Сноб. – <<https://snob.ru/selected/entry/9202>>.

«7 августа 1920 года Мандельштам отправил Эренбургу копию своего оскорбительного ответа Волошину, с которым рассорился из-за похищенных книг (замечу, что одной из причин этой ссоры был “Камень”, “уведенный” автором у владельца и подаренный Л. М. Козинцевой – через какое-то время она вернула его Волошину)»⁶⁴.

«Похитил», «увел» – вердикт по-прежнему однозначен, однако настоящее «судопроизводство» по этому «делу», как видим, даже не начиналось.

Никто из «судей» не задался одним из ключевых вопросов: каким образом поэт умудрился «подарить» «уведенную» книгу Любови Козинцевой в Коктебеле, находясь в Феодосии, на расстоянии 14 километров? Или, может быть – предположим в порядке бреда – его брат Александр «стащил» книгу у Майи, чтобы тут же зачем-то «подарить» ее чужой жене – и затем уже отправиться в Феодосию?

Если это не так, то каким же другим образом «Камень» оказался у Любови Козинцевой? И как можно логически связать «наглые» слова Александра Мандельштама и его «кражу» у Майи Кудашевой с тем «подарком», который преподнесла Волошину Любовь Козинцева?

И почему никто из «судей» не сопоставил того, что писал Волошин в своей лихорадочной записке с тем, что он говорил об этой истории позже, уже без эмоций и уже зная о том, как всё происходило на самом деле?

Попробуем сами всё это сопоставить и сложить хотя бы в общих чертах картину происшедшего.

В своей записке Волошин утверждает, что о пропаже «Камня» ему сообщила Майя, у которой якобы украл книгу брат Мандельштама. Заметим, что сообщила она это не сразу после «кражи», а только тогда, когда Александр был уже вне зоны досягаемости – может быть, уже в Феодосии. Волошин признался Новицкому, что узнал о пропаже книги «слишком поздно». Почему Майя не сказала ему о «краже» сразу, по горячим следам? Хотела скрыть эту «кражу»? Или была в сговоре с каким-то третьим лицом?

В поздних воспоминаниях Волошин утверждает, между тем, что это он первым обнаружил пропажу книги и уже затем «призвал на допрос Майю», которая, будучи прижатой к стенке, «сдала» Мандельштама – при этом какого именно: Александра или Осипа, Волошин, к сожалению, не уточнил⁶⁵.

Допустим, что это был Александр. Но что происходит дальше? После шумных поисков книги, криков, «допроса» Майи и т. д. – к Волошину неожиданно подходит с «Камнем»

⁶⁴ Фрезинский Б. Эренбург и Мандельштам (Сюжет с долгим последствием: канва литературных и личных отношений и встреч; жены, борьба за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР) // *Вопросы литературы*. 2005. № 2.

⁶⁵ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 425.

в руках Любовь Козинцева и говорит, что «украденную» книгу ей «подарил» Мандельштам – судя по контексту, сам автор, а не его брат.

А теперь еще раз зададимся тем же самым вопросом: каким таким чудесным образом «украденная» братом Мандельштама книга могла оказаться у жены Эренбурга?

«Чудо» заключалось в том, что «Камень» и не думал покидать волошинского дома, а просто был кем-то и почему-то временно «припрятан» после отъезда Осипа и Александра, – кем-то, кого прекрасно знала и Майя Кудашева, его не «сдавшая», и Любовь Козинцева, вернувшая книгу по указанию этого кого-то лишь в тот момент, когда «рассвирепевший» Волошин выбил-таки «показания» из Майи и начал строчить записку начальнику Феодосийского порта с угрожающим посылом «держи вора».

Читатель уже понял, конечно, что этим «кем-то» был Илья Эренбург, который таким образом – очевидно, тоже сгоряча и спонтанно – осуществил свою мистификацию-месть Волошину в ответ на мистификацию Елены Оттобальдовны – молчаливо одобренную ее сыном – с пропажей посуды, мебели и вещей Эренбурга с террасы дома (см. ниже).

Эренбург прекрасно знал, что, страдавший, по словам, современницы, «святой жадностью» и «священной страстью»⁶⁶ к книгам из своей уникальной библиотеки, Волошин будет метать громы и молнии, узнав о пропаже хотя бы одной из них (а уж об особой любви Волошина к «Камню» знали даже коктебельские собаки), и, таким образом, ему удалось, хотя бы на короткое время, сбросить с Волошина маску «бесплотного, отвлеченного человека»⁶⁷ и дать ему «урок», зацепив за живое.

Что касается Майи, то ее «версия» про брата Мандельштама и его «наглые» слова могла быть инспирирована, для «правдоподобия» пропажи «Камня», тем же Эренбургом – другое дело, что он явно не сумел предвидеть того, что Волошин накалится до степени *plus ultra* и вздумает задержать Мандельштама и его брата в Феодосийском порту. Только последним обстоятельством и можно объяснить «чудесное» обнаружение «Камня» в руках Любови Козинцевой во время написания Волошиным его записки.

Более того: именно от Эренбурга, судя по всему, Волошин и узнал об этой мистификации – только, видимо, не сразу, а где-то спустя неделю, в первые дни августа, когда выяснилось, что Мандельштам арестован, и когда срочно понадобилась помощь Волошина в его вызволении из белогвардейских застенков. В то время живший в Коктебеле и тесно общавшийся с «мэтрами» 20-летний писатель Эмилий Миндлин (1900 – 1981)⁶⁸ вспоминал позже,

⁶⁶ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. – М.: Эллис Лак, 1994. С. 179.

⁶⁷ Эренбург И. Портреты русских поэтов / Изд. подг. А. И. Рубашкин. – СПб: Наука, 2002. С. 58.

⁶⁸ Подробнее о нем см.: Видгоф Л. М. Вокруг поэта: Эмилий Миндлин, Николаус Бассехес, Георг Себастьян // *Toronto Slavic Quarterly*. № 54. 2015. С. 174 – 178.

что Волошин долго не соглашался писать ходатайство об освобождении «нелепого» поэта, напоминая всем про его «оскорбительное письмо», но, что примечательно, согласился вскоре после того, как с ним переговорил Эренбург⁶⁹. Вполне вероятно, что во время их «очень долгой» беседы Эренбург и повинулся перед ним в своей мистификации, окончательно убедив его в непричастности Мандельштама к «краже» «Камня».

В какой-то степени «искупила вину» перед Мандельштамом и «княгиня» Майя Кудашева, которой поручили, как имеющей весомый для белых «княжеский титул» – вместе с «всероссийским классиком» Викентием Вересаевым – вручить письменное заявление-ходатайство Волошина Начальнику Политического Розыска Г-ну Апостолу, в котором Мандельштам назывался «одним из самых крупных» русских поэтов последнего поколения, далеким от какой бы то ни было политики и т. д.⁷⁰

Выше мы задавались вопросом, зачем копию своего «оскорбительного» ответа «кок-тебельскому барину» Мандельштам отослал Эренбургу. Ответ на этот вопрос может иметь лишь предположительный характер: косвенно это как будто свидетельствует в пользу того, что Мандельштам никак не мог подозревать в нем человека, которому придет в голову «украсть» его книгу, взяв в сообщники Майю, в результате чего Волошин посчитает его вором и потребует его задержания в порту – другое дело, что по факту, увы, именно так всё и случилось. «Камень» Эренбург через жену вернуть успел, но задержать нарочного с запиской было уже, очевидно, не в его силах.

Начало же всей этой нелепой истории положила вышеупомянутая мистификация Елены Оттобальдовны. Мать Волошина уже неоднократно, в течение лета, делала внушения Эренбургу и его спутникам за то, что они оставляли на ночной террасе посуду, мебель, и прочие вещи. За слишком вольное, «богемное» обращение с ее кухонной утварью и прочим инвентарем, она – в «воспитательных целях» – несколько раз устраивала ночные «экспроприации» инвентаря, но действенного результата этим всё равно не достигала, всё больше и больше раздражая только своими «мещанскими» замечаниями «колючего» писателя.

⁶⁹ См.: Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Сов. писатель, 1979. С. 32 – 34. Этот факт подтверждает и дневниковая запись Миндлина от 24. 07. 1936, любезно предоставленная автору статьи Л. М. Видгофом: «Уговоры мои и уговоры Майи Кудашевой (комическое перевоплощение – ныне она m-me Роллан, жена скучного Романа Роллана) не привели ни к чему. Если бы после нашего неуспеха не решился пойти к Волошину – Эренбург (хотя они были в страшной тогда ссоре) – неизвестно, выпустили бы тогда белые Мандельштама...» (ИМЛИ. Ф. 571. Миндлин Э. Л. Оп. 2. Ед. хр. 7. Дневник 1936 - 1938. Л. 19).

⁷⁰ Миндлин Эм. Указ. соч. С. 34 – 35; См. также: Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. С. 426; Там же. Т. 12. Письма 1918 – 1924. С. 322 – 324.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Эренбурга, явилась очередная ее «экспроприация», в результате которой с террасы пропали не только кастрюли, стулья и даже умывальник, но и ряд личных вещей Эренбурга и его спутниц⁷¹.

На эту «мистификацию» наложилось еще и какое-то личное оскорбление, нанесенное Волошиным недолюбливавшей его Ядвиге Соммер⁷². Много лет спустя она вспоминала:

«М.А. сказал что-то оскорбительное обо мне, И.Г. был взбешен и ответил очень резко, вроде того, что за эти слова он заслуживает пощечины»⁷³.

«Дорогой Илья Григорьевич, – писал ему Волошин 29 июля (н. ст.) 1920 г., вскоре после того, как Эренбург со спутницами, разругавшись в клочья с ним и Еленой Оттобальдовной, переехал из их дома на соседнюю дачу, – твое пребывание в Коктебеле кончилось тем, чего я ожидал давно: ссорой со мной. С начала года я чувствовал, что раздражаю тебя всем строем своей души, понимал опасность и старался реже видаться. <...> Предлог [для ссоры] – совершенно случаен, т<ак> к<ак> ни в замысле, ни в исполнении маминой мистиф<икации> я участия не принимал. Следовательно, виновен только в сочувствии и недонесении (что, правда, по нын<ешним> времен<ам> карается смертной казнью)...»⁷⁴.

Далее Волошин уверял Эренбурга в своей «действенной» к нему любви и неизменных к нему дружеских чувствах, напоминая про некие «реальные действия и услуги», ему оказанные и т. д.

«Я оставляю на твоей совести указание на реальные услуги, – сухо отвечал на это Эренбург. – Отныне твоя “действенная любовь” тобою же приравнена к кастрюлькам, топору и проч<ему> “инвентарю” Ел<ены> Отт<обальдовны>». И далее – напоминал ему об оскорблении, за которое в своем «любовном» письме Волошин почему-то не счел нужным извиниться: «То, что ты говорил обо мне и Ядвиге Иос<ифовне> – ложь и очень нехорошая. Я великолепно помню твои анекдоты о прикосновении к Гумилеву (Очевидно, имеются в виду рассказы Волошина о ссоре с Гумилевым из-за Е. Дмитриевой, названной последним “метресской”, и получившим за это пощечину от Волошина – В.Д.). Если человеку всепонимающему и долготерпеливому позволительно прибегать в известных случаях к подобным урокам, то тем более мне – “колючему” и “нетерпимому”...»⁷⁵.

ПОСТСКРИПТУМ

Н. Я. Мандельштам, осенью 1926 года проходившая курс лечения в Коктебеле и с какой-то оказией оказавшаяся в гостях у Волошина, вспоминала, что первым делом он стал ей

⁷¹ Там же. С. 318 – 319.

⁷² «Его покровительственная и вместе елейная манера, цепкий масляный взгляд создавали впечатление какой-то фальши и были неприятны мне» (Соммер Я. Записки. С. 140 – 141).

⁷³ Там же. С. 147.

⁷⁴ Волошин М. Собр. соч. Т. 12. С. 317.

⁷⁵ Эренбург И. Письма: В 2 т. Т. 1. 1908 – 1930. «Дай оглянуться...» / Изд. подгот. Б. Я. Фрезинским. – М.: Аграф, 2004. С. 99.

почему-то рассказывать про ссору с Эренбургом, с которым уже шесть лет как не переписывался. Эренбург, кстати сказать, в это время проживал за границей и о Волошине в своей переписке с корреспондентами из СССР иначе, как с издевкой, не отзывался. В одном письме, например, он именовал его «апокалиптическим лихачем», который «между двумя пророчествами съедает котелок каши»⁷⁶ и т. п.

«В своих мемуарах Эренбург про эту ссору не сказал ни слова, – пишет вдова Мандельштама, – но я знаю, что это вульгарнейшая история с кастрюлями. Для оправдания Волошина надо напомнить, что кастрюля и сковородка – великая драгоценность и домашний очаг. <...>. Волошин убеждал меня, что вся история с кастрюлей обыкновенная “мистификация”. “Вы же слышали, что мы любим мистификации”, – сказал он».

При этом «недоразумения с Мандельштамом» Волошин, по словам Надежды Яковлевны, даже не коснулся...⁷⁷.

⁷⁶ Там же. С. 331.

⁷⁷ Мандельштам Н. Собр. соч. в двух томах. Т. 2. С. 108.